

Татьяна АКИЛОВА

Родилась в 1994 году в с. Гагине Гагинского района Нижегородской области. Окончила Московский политехнический университет. Рассказы и зарисовки публикуются в газете «Гагинские вести».

Живет в Гагине.

СНЕЖНЫЙ АНГЕЛ

Чуть слышно распахнулась дверь. Антон, молодой человек двадцати лет, вышел из дома. Он пошел к калитке, оставляя на заснеженной дорожке следы. Сладковатый воздух оттепели, чисто убранная снегопадом улица невольно радовали его. Он стоял, дышал и слушал тишину, которая только что выпала вместе со снегом.

– Вот так!.. – и детский голос мягко лег на снег.

Антон обернулся. У забора, раскидывая желтой пластмассовой лопаточкой снег, стояла девочка. Веселый помпон прыгал у нее на шапке. Ей было лет пять, не больше.

– Вот так!.. – повторяла она, сыпая и прихлопывая снег так, чтобы получилась горка. – Я сделаю горку. Потом буду с нее кататься.

Антон невольно улыбнулся ее словам, посмотрел на горку, на соседский дом, на дом друга, к которому приехал, и о чем-то задумался.

– А-а-а!.. – вдруг воскликнула девочка.

Антон огляделся. На улице по-прежнему никого, кроме него и девочки, не было. Видимо, девочка заигралась и все восклицания были частью ее игры. Но она больше не швыряла снег. Желтая лопаточка лежала в сугробе.

– Ух ты какой!.. – с восторгом, но точно боясь кого-то спугнуть, проговорила она.

Антон присмотрелся к ней. Девочка смотрела куда-то безотрывно, прижав ладошки в варежках к груди.

«Куда она смотрит?» – подумал Антон, позабыв про свои разные мысли.

Он подошел поближе к девочке, так, чтобы можно было увидеть ее лицо.

Девочка не обращала на него никакого внимания. Глаза ее лучились ярко, так что этим сиянием было залито всё ее лицо. И то ли из-за сияния, то ли еще из-за чего не получалось поймать ее взгляд и понять, куда она смотрит.

Антон обернулся наугад, надеясь, что на освещенной фонарями и снегом улице, сможет разглядеть то, что так ясно и живо видела девочка.

Он обернулся и ничего не увидел.

– Ангел!.. – невольно подсказала ему девочка.

Антон прищурился, точно был слаб зрением, и наконец увидел. Широко раскинув крылья, почти на краю улицы стоял снежный ангел. Над его головой светил голубоватый фонарь, и светлым, прозрачным был воздух вокруг.

Антон глядел вперед, потеряв из виду улицу и почти забыв, что где-то рядом с ним стоит девочка. Но сколько ни вглядывался, не мог различить на краю улицы земной предмет. Верно, там рос какой-нибудь куст, но разглядеть его никак не получалось.

Не выдержав, он быстрыми шагами пошел на край улицы. Ангел приближался, в его крыльях увиделись белоснежные крупные перья, а свет фонаря шел на него сбоку. Оказалось, ангел не стоял прямо под фонарем.

«Это же сосна просто!..» – выдохнул Антон и замедлил шаг.

Раскидистая, с густыми ветками, на просторе у дороги стояла молодая сосна. Она была выше человеческого роста и видела, что делается за забором дома, к которому росла ближе всего. У нее все иголки были облеплены снегом, так что ни зеленого, ни коричневого цвета совсем не было видно. Ветки клонились под тяжестью сырого снега, и казалось, что дивные перья медленно опускаются вниз. Еще секунда, другая – и ангел, подняв их, взмахнет крыльями и улетит.

Постояв у сосны, Антон не спеша пошел назад. Когда он подошел к дому, то девочки там уже не было, а впереди по улице шел человек и рядом с ним – ребенок. Видимо, девочка с желтой лопаткой в руках ждала, пока мама выйдет к ней из дома.

Обернувшись, Антон посмотрел на сосну.

«И в самом деле, ангел!..» – подумал он спокойно, немного удивляясь своему минувшему волнению.

Он совсем позабыл, что вышел из дому, чтобы позвонить Наташе, своей девушке. И, зайдя на крыльцо, тут же вышел обратно на улицу.

Всё время разговора и сколько-то после у него внутри сохранялось что-то неясное. Оно то совсем исчезало, то появлялось ненавязчиво и тихо. Антон не смог бы определить это чувство каким-то конкретным словом. Ему было тепло, точно на истопленной печке, и почти что весело, как вечером на опушке у леса. Но наутро у него уже всё прошло.

...Этот вечер сохранился в памяти у Антона.

Потом он еще не раз приезжал к другу. Сосна росла на прежнем месте, с каждым годом всё более расправляя свои ветви. Но кроме дерева Антон в ней ничего не видел. Да и не пытался увидеть.

Ту девочку он больше не видел. В его памяти она со временем стала представляться почти выдуманным, несуществующим человечком. А потом и вовсе чуть не соединилась с ангелом, которого он когда-то видел. И этот неясный образ жил у него внутри мягкостью свежего снега и светом, залившим всю округу и шедшим то ли от фонаря, то ли еще откуда. Это был мягкий, яркий и теплый свет...

Этот образ почти никогда не показывался Антону. Только иногда, когда он ходил гулять со своей маленькой дочерью или играл с ней, он вдруг замечал в ее глазах яркие лучики. Лучики быстро вспыхивали, исчезали, проливаясь счастливой улыбкой на ее лице, и девочка смеялась. Антон улыбался ей в ответ, на секунды задумываясь, будто что-то вспоминая.

МИНИАТЮРЫ О ПРИРОДЕ

В январе

Растущая луна освещала ночь мягким светом. От этого света снег казался серым, а весь пейзаж – черно-белым. Яблоня, ветки малины, теплица, стены беседки, забор, а за ним молодые сосны были молчаливыми лицами этого тихого пейзажа.

В тени беседки у двери заледенела лужа. В ней следы, оставленные днем человеком, рыбками выплывали из снежной воды. Они пристыли, замерли каждая в своем движении: кто-то повернув крупную голову, кто-то вильнув легким хвостом, оставленным пяткой подошвы.

Те рыбки, что только смогли высунуть головы из лужи или выбрались на снег и не успели далеко отплыть, были жирными и упитанными. А те, что смогли уплыть дальше, были сухие, мало напитаны водой и белели, почти совсем растворяясь в снегу.

Рыбки были гладкими, у них не было чешуи. Луна серебрила снег, по которому они плыли, и тот мелко и часто мерцал белым. Редко в его мерцании встречались красные, синие и зеленые крохотные искры. Как они смогли попасть сюда из цветного мира? Они казались инопланетными вкраплениями среди серых лунных красок.

На снегу чуть заметной железной сеткой от забора лежала тень. Столбы и перекладины забора были раскиданы на снегу толстой узловатой веревкой, к которой была приделана сетка.

Рыбки плыли к этой сетке, словно хотели попасть в нее, как в настоящую рыболовную сеть. Они не побоялись кошки, в чьих следах была вся тропка у лужи. Но их прихватил мороз, и рыбки остались в снежно-лунном море.

В это же время по чистому небу пролетала птица. Огромным крылом перистых облаков она закрывала небо, едва касаясь луны. Тело птицы было за горизонтом, а второе крыло расправилось там, где еще только начинался вечер.

Птица принесла с собой тихую ночь, без вьюги, ветра, со слабым морозом и скромными звездами, мерцающими из-под ее крыла. Всё это было после оттепели в январе.

Кленовый лист

Кленовый лист оторвался от ветки и изнанкой лег на спокойную поверхность озера. Лист словно прислонился к остывшей воде своей желтой ладошкой, приподнял резные концы над водой и будто заозирался по сторонам, как озирается ребенок, вдруг зашедший в незнакомое место.

Это был один из первых листьев, упавших с клена. Он до того был ярок и чист, что казалось, его обронил в воду не клен, а солнечный луч. И вот как это вышло. Пробираясь сквозь ветки деревьев, луч падал на кору деревьев. На коре в ясную погоду было всегда много солнечных

бликов, и один из них – резной и особенно желтый – оторвался от шершавой поверхности коры и тонким солнечным слитком упал в воду.

В это мгновение началась листопадная осень. Она пришла тихо и беззвучно, в полном безветрии сентябрьских дней. Ее приход никто не заметил. И мальчишка, бросавший в воду мелкие, красноватые – словно недоспелая вишня – яблочки, не увидел ее. Он палкой разгонял ивовые листья, которые, падая в воду, сбивались в кучки, теснились друг на дружку, прибивались к поросшему длинной редкой травой берегу и пытались выбраться на сушу. Листья эти были похожи на причалившие к берегу старые лодки, окончившие свое маленькое путешествие. От них не веяло осенью. Ивы всё лето сыпали листья в воду, и никто на них не обращал внимания.

Кленовый лист медленно уплывал от берега. Родники, питавшие озеро, несли его по невидимым глазу дорожкам. Над ним пролетали стрекозы, жуки и всякая мошкара, под ним – караси и окуни, добывая пропитание, сновали туда-сюда.

Ночью пошел холодный дождь, и ветер, словно одичавший, стал охапки срывать с веток листву и разбрасывать ее повсюду. Лишь к утру, окутанному в морось, всё стихло. Озеро было устлано желтой листвой. И нельзя было найти в этом плавучем ковре тот лист, с которого начался листопад.

Яблоки под снегом

Сад был засыпан снегом. В зимнем убранстве он был особенно молчалив и тих. Тишины было так много, что невольно получалось дышать реже и не вдыхать глубоко ноябрьского воздуха. Казалось, что в этой тишине можно было утонуть. Мягкий хруст заледеневшей корки на снегу – след минувшей оттепели – был единственным звуком тревожившим тишину. Но этот звук удивительным образом гармонировал с тишиной. Это точно уходила осень, плутая меж темных шершавых стволов деревьев.

Когда еще не лег снег и не все облетели листья, редкие не крупные яблочки висели на ветках. Они висели высоко, будто дразнили своим свежим зеленым цветом кожуры. Хотелось сорвать их и съесть...

Куда они делись? Наверное, упали с веток в одну из темных ветреных ночей и теперь лежат под снегом перемороженные...

Сделанные машинально, в задумчивости, шаги разворошили снег, под которым нашлось яблоко. А потом еще одно и еще... Целые, не тронутые морозом, яблоки были пересыпаны снегом, точно лежали ни на земле в саду, а в бочке с опилками. Их зеленая кожура смотрелась на снегу так, как смотрятся молодые ростки первоцветов, пробивающиеся сквозь крупитчатые остатки снега по весне. Ледяные, от них ломило зубы, как от родниковой воды, а сочная сладость напоминала дождливое прохладное лето.

Эти яблоки были гостинцем, который случайно оставила осень и так же случайно сохранила рано наступившая зима. Скоро карманы куртки были полны яблок. Пальцы рук покраснели, замерзли, и скорее хотелось надеть варежки. Это был осенний сорт, без названия, который не хранится долго, быстро теряет хрусткость и вкус. Нужно было съедать яблоки, пока кожура на них не съежилась, не потемнела.

...так закончилась эта осень. К вечеру промозглый воздух заполонил снег. Верно, он засыпал следы в саду. А на столе – на тарелке – лежали яблоки. Свежие, зеленые, словно только что сорванные с ветки, а не найденные под снегом.